

издательство



**ДОСЛАД**

**ЧЕМПИОНЫ СССР,  
ЕВРОПЫ  
И МИРА**

ВЫПУСК **4**



**Л.Никитин**

# **КРУТЫЕ ВИРАЖИ**

**ЭТОТ РАССКАЗ  
О ЧЕЛОВЕКЕ,  
ЧЬЕ ИМЯ СТАЛО  
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ  
МУЖЕСТВА  
И ВЫСОКОГО  
СПОРТИВНОГО  
МАСТЕРСТВА—  
ШЕСТИКРАТНОМ  
ЧЕМПИОНЕ МИРА  
В МОТОГОНКАХ  
ПО ЛЬДУ  
ГАБДРАХМАНЕ  
КАДЫРОВЕ**

**ДОСААФ СССР  
ЧЕМПИОНЫ СССР,  
ЕВРОПЫ  
И МИРА**

**Л. НИКИТИН**

# **КРУТЫЕ ВИРАЖИ**

**ВЫПУСК 4**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ДОСААФ  
МОСКВА  
1973**

0692-090  
H  $\frac{\quad}{072(02)-73}$  107-73

## «ИГРАЮЩИЙ» ТРЕНЕР

---

«Что выделило этих людей из всех прочих, что сделало их чемпионами, первыми?.. С одной стороны — люди как люди: симпатичные, серьезные, простые. С достоинством, правда, вот что важно. Но что именно привело их к финишу первыми? Мастерство? Смелость? Настойчивость? Удача?.. Конечно, все это и еще многое. Но и последний вряд ли труслив или не стремится к победе. Он тоже выделяется среди людей многими выдающимися качествами. Значит, все вышеперечисленное из качеств необходимо чемпиону, но недостаточно. Есть еще что-то. Что?»

Этот маленький монолог из повести писателя Андрея Битова «Колесо» я вспомнил знойным июльским днем, когда на уфимском стадионе «Труд» наблюдал за тренировкой мотогонщиков. Лето в тот год выдалось на редкость сухим и жарким. Едва над городом поднималось солнце, как не успевший остыть за ночь асфальт снова раскалялся и над улицами поднималась густая дымка. У киосков с газированной водой и бочек с квасом толпились люди, лотки с мороженым опустошались мгновенно. Казалось, даже трамваи, автобусы и машины

двигались нехотя, лениво. И только мотоциклы неслись по городу как ни в чем не бывало. В Уфе столько знатоков и умелых джигитов «стальных коней», что ехать на мотоцикле в общем ритме, притупленном летним зноем, ехать лениво, в развалочку — значит не уважать себя. И мотоциклисты носились по улицам, как ошалелые, словно нипочем были им зной и духота.

Признаться, при всем уважении к мотогонщикам, я сомневался, чтобы в такую вот духотищу из их тренировки, которая была назначена на двенадцать, выйдет что-нибудь путное. Ну, отработают свое, как говорят, отбудут положенное.

В гараже у мотоциклов копошились ребята. Изящные, легкие машины стояли в пролете между боксами, и около каждой из них что-то подкручивали, подмазывали, подстукивали гончики.

Это был знаменитый уфимский мотоклуб при первичной организации ДОСААФ строительного треста № 3. Клуб, давший нашей стране многих чемпионов, клуб, где выросли известные гонщики Игорь Плеханов, Фарит Шайнуров, Юрий Дудорин, Борис Самородов и многие другие. Здесь начинал свою спортивную карьеру и Габдрахман Кадыров. Я его узнал сразу. Невысокий, худощавый, в простенькой безрукавке, он сидел на корточках рядом с машиной молодого гонщика и что-то объяснял тому. Говорил он спокойно, негромко.

— Гонщик должен знать мотоцикл, как себя самого. Ты вот улыбаешься, а я тебе повторяю, у каждой машины свой норов. Нет двух одинаковых. Вот я тебе и свою дам проехать, а она ведь не послушается тебя, уверяю. Не справишься ты с ней. Потому и нужно под свой характер, свой темперамент и даже под свои недостатки подгонять эту вот нашу технику. Знать, как она поведет себя на прямой, на вираже, на старте...

Кто-кто, а Габдрахман свою технику знает. Говорят хороший механик по «голосу» узнает, в чем неполадки

двигателя. Вот и Кадыров — по «повадкам» и, если хотите по «голосу», точно скажет, чего стоит та или иная машина. И тянутся к нему молодые (да и не только молодые!) гонщики за советом, за консультацией. И он может, позабыв обо всем, с упоением возиться с «чужим» мотоциклом.

Эта бескорыстная помощь своим завтрашним (а порою и сегодняшним) соперникам — не что иное, как проявление известной кадыровской доброты и простоты, его увлеченности и любви к технике, его профессиональной порядочности. Как садовник не пройдет мимо поврежденного дерева, так и Габдрахман не оставит без внимания замеченную неполадку в машине гонщика. Подскажет, как устранить, а то и сам примется за работу — было бы время.

Вот и сейчас идет по гаражу — к одному мотоциклу подсядет, к другому, к третьему. И всегда около него народ. Вроде бы привыкнуть к человеку можно — не один год вместе, но нет, тянутся к нему люди. Так ведь и есть за что.

Мотогонки — очень специфичный вид спорта. И одна из его особенностей в том, что основная масса времени уходит не на само участие в тренировках и соревнованиях, а на подготовку к ним.

В тот жаркий июльский день мне довелось наблюдать, как спортсмены с самого утра, что называется, не разгибаясь, сидели у своих машин и только к полудню вывели их из гаража, чтобы принять старты в тренировочных заездах.

Да, тренировка состоялась. Да еще какая! По гаревому черному диску, оседлав ревущие мотоциклы, носились чумазные парни в комбинезонах, сапогах, шлемах. Носились с дьявольской скоростью, оставляя позади столб пыли. Мелкие камушки шрапнелью осыпали деревянные бортики, когда на вираже машины, словно въезжая колесами в грунт, становились поперек дорожки и

потом резко бросались на прямую. Смотреть на такое было чутьчку жутко. Головокружительные скорости, оглушительный рев моторов и скачущий, будто готовый вот-вот соскользнуть с дорожки мотоцикл — все это тревожило и пугало. Что же это за люди? Какие у них должны быть нервы, если здесь, на трибуне, и то дух захватывает.

Кадыров, как сказали бы хоккеисты, — играющий тренер. Он работает тренером в мото клубе. Тренирует, тренируется и сам выступает. А сейчас стоит на поле ближе к внутренней дорожке и следит, как «гоняются» его ребята. Время от времени он подает им какие-то команды флажком, и те, повинувшись, то ускоряют, то замедляют бег своих машин.

Габдрахман в спущенном до пояса комбинезоне и грубых больших сапогах ничем не выделяется среди других. Да, «король ледового спидвея», как его окрестили западные журналисты, выглядит весьма и весьма скромно. Прядь черных волос, упавших на лоб, живые темные глаза и добрая кадыровская улыбка в уголках рта — вот и весь «королевский» портрет.

Как же он преображается на треке! Кажется, будто заблудившийся метеорит носится по гаревой дорожке стадиона. Слившись с мотоциклом, он словно летит по воздуху. Хочется крикнуть: «Ну, постой же! Остановись! Зачем же так быстро!».

«Страшно?» — потом спрашиваю я его. Он ничего не отвечает. Понимаю, что вопрос неуместный, ненужный. Но уже поздно.

Он все-таки ответил. Ответил не мне, а скорее себе. — Привык... Нет, не то. Просто уже не страшно. Скорее испытываешь какое-то наслаждение от всего: от ветра в лицо, от рева двигателя, от того, что ты ничего не боишься. Ты летишь. Не машина, а ты, ты сам. Да что говорить! Почувствовать это надо... самому.

Мы сидим в его маленьком уютном боксе на ящи-

ках с деталями и инструментом. Габдрахман рассказывает о молодых ребятах, которые делают первые шаги в спорте. Он — их наставник, тренер, воспитатель. Кадыров не так давно окончил Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта и вот теперь работает с молодежью. Его тренерское кредо — самостоятельность воспитанников. Он подскажет, поможет, но гонщик, по его мнению, прежде всего должен сам учиться решать многие задачи. Гонки — мгновение. Тут не подскажешь, не поправишь ошибку по ходу. Они обходятся очень дорого, и Кадыров учит молодежь самостоятельности, умению не теряться в любой обстановке.

На стене бокса висит цветная фотография горнолыжника. Маленькая фигурка, взметая снежный столб, стремительно мчится с горы. В защитных очках, шлеме. Конечно, неспроста появилась здесь эта фотография. Много общего у мотогонщиков по льду с горнолыжниками. Огромные скорости, доли секунды для обдумывания ходов и определенная степень риска.

Габдрахман перехватывает мой взгляд.

— А-а, горнолыжник. Да нет, не мечтал им стать никогда. Но ведь мы с ним как родственники. Только они, пожалуй, по сравнению с нами аристократы. У нас руки не просыхают от смазки, все пропахли бензином. Возишься, возишься. И так от тренировки к тренировке, от соревнования к соревнованию...

Рядом с фотографией горнолыжника тут же на стене прибита серебристая крышка от наручных часов. Только теперь я разглядел, что на ней выгравировано: «Кадыров Г. Ф. I группа крови резус+»

Пятнадцатый год Габдрахман Кадыров занимается мотоспортом. Пятнадцатый год...

Мальчишке было четырнадцать лет, когда он впервые увидел ипподромные мотогонки. Он с замиранием сердца следил за спортсменами, которые на огромной скорости проносились перед трибунами. Ему казалось, что все это кончится плохо, что гонщики забывают об осторожности и обязательно произойдет что-нибудь страшное. Нельзя же вот так, сломя голову, носиться, забыв об осторожности. Габдрахман ждал, что вот-вот должно что-то случиться. Но гонки продолжались и... под восторженный рев трибун спортсмены проходили круг за кругом уверенно и смело.

Вечером Габдрахман долго не мог уснуть. Он закрывал глаза, и ему представлялось, что будто он на легком, сверкающем серебристыми крыльями мотоцикле мчится по дорожке ипподрома. Знакомые ребята на трибуне узнают его, что-то кричат и машут руками, а он крепко сжимает холодные ручки руля и прибавляет, прибавляет газ. Он проносится мимо соперников, он идет впереди, и трибуны режут, заглушая грохот мотоцикла: «Ка-ды-ров! Ка-ды-ров!».

Но что это? Впереди глубокий ров. Габдрахман пытается повернуть, но машина не слушается его. Он мчится прямо в ров. «Ма-ма!» — пытается крикнуть он.

«Мама!» — слабо шепчет он и... просыпается.

— Что ты, сынок, сегодня так беспокойно спишь? — Гасима Мухаметовна присаживается на край кровати. — Уж не заболел ли?

Он качает головой и ничего не отвечает.

Так родилась мечта, мечта, которая привела его через много лет на спортивный Олимп. А тогда он только с завистью поглядывал на тех ребят, которые занимались в мотоклубе, и думал о том дне, когда и ему удастся сесть на настоящий мотоцикл.

А пока Габдрахман все свободное время проводил в

тихом уголке двора, где стоял старенький мотоцикл их домоуправа. Хозяин редко им пользовался. То ли от того, что после каждой поездки обнаруживалась очередная неполадка, то ли еще по каким причинам. Машина больше ремонтировалась, чем ездила. Когда Габдрахман впервые робко подошел к мотоциклу и, присев на корточки рядом с хозяином, стал смотреть, как тот, сердито бормоча, откручивает какую-то деталь, домоуправ не обратил на это внимания. Только однажды сердито буркнул на мальчишку: «Ты бы не крутился тут под ногами. И без тебя тошно!». Но постепенно стал привыкать к парню, потом уже просил его помочь, поддержать что-нибудь, подать инструмент. А за это разрешал посидеть на сиденье, покрутить ручки сцепления и газа.

А однажды домоуправ куда-то надолго уезжал. Перед отъездом подозвал он Габдрахмана и сказал:

— Ты, хлопец, посмотри за машиной. Только кататься не вздумай. Расшибешься, непослушная она у меня.

Это был счастливый день в жизни Кадырова. Он понял, что наконец-то сбудется его мечта и он сможет самостоятельно прокатиться на мотоцикле. Завести и включить его без ключа теперь для него большого труда не составляло.

На следующее же утро Габдрахман осторожно вывел мотоцикл на тихую улицу и завел мотор. От волнения перехватило дыхание. Он сел на сиденье, слегка повернул ручку газа, отпустил рычаг сцепления, и машина плавно тронулась с места. Мальчишка сразу почувствовал себя спокойно и уверенно. Откуда это взялось, он не понимал, но ощущал, что машина ему послушна. Все показалось ему очень простым, и будто не впервой было вот так управлять этой техникой. Когда домоуправ вернулся, весь двор уже знал, что Габдрахман катался на его мотоцикле. Тот сначала было рассердился, хотел отчитать парня, но, когда ему рассказали, как лихо мальчишка владеет машиной, махнул рукой. Ему по душе

была увлеченность Габдрахмана, его усидчивость: ведь тот мог часами возиться с мотоциклом.

Гасима Мухаметовна поначалу тревожилась: все забросит сын со своим увлечением, от дома отобьется. Да и рискованное это дело — понаслышалась от соседней разных рассказов о происшествиях с мотоциклами. Сказала как-то об этом сыну.

— Не тревожься, — успокоил Габдрахман.— Плохого ездока и конь сбросит, а я не собираюсь быть плохим. Давай лучше подумаем, как скопить денег да купить мотоцикл. Разговор у меня был с домоуправом. «Забери, — говорит, — ты от меня этот драндулет, измучил он меня. А ты с ним, я вижу, в ладах». Так купим, мам? Говорит, недорого...

— Совсем взрослым ты стал у меня. Вот бы посмотрел отец...

Файзурахман Файзурахманович Кадыров ушел на фронт, когда Габдрахману не было и года. Ушел защищать Родину от фашистов.

Жили они тогда в Шатуре. Вместе с Гасимой работали на строительстве Шатурской ТЭЦ. Дружная, счастливая была семья. Сколько было радости, когда родился сын. Решили назвать его Габдрахманом — старинным татарским именем. Пришли в ЗАГС, стали оформлять документы. Но то ли по рассеянности, то ли по незнанию (нечасто приходилось регистрировать малышей с такими именами) работница ЗАГСа записала в свидетельство о рождении вместо «Габдрахман» «Гаптрахман». И стал сын Файзурахмана человеком с необычным именем. (Помнится, после опубликования Указа о награждении группы спортсменов правительственными наградами болельщики ломали голову, кто этот Гаптрахман? Все знали Кадырова Габдрахмана, а тут?). И вот теперь это имя известно всему миру.

Рассказывают, будто во время приезда нашей спортивной делегации в одну из далеких африканских стран,

наших ребят вышли встречать с портретами Дарвина и Кадырова.

Последнее письмо от отца пришло в 43-м. За ним — похоронка. Снялась Гасима с сыном с обжитого места. Не могла она позабыть мужа, а тут все напоминало о нем. Вот и отправилась она искать счастья в других краях.

Судьба привела ее в Башкирию.

В Уфе поступила работать каменщицей в строительный трест № 3. Потихоньку жизнь стала налаживаться, сын рос крепким, здоровым мальчиком.

И вот он стоит перед ней — копия отца, смотрит серьезно и ласково.

— Как же, мама, с мотоциклом? Купим?

Она ничего не ответила. «Как же быстро пролетело время, — думает Гасима. — Давно ли носила тебя на руках и плакала, уткнувшись в теплое одеяльце, вспоминая отца. Совсем стал самостоятельным...»

Гасима понимала, что парень серьезно увлекся мотоциклом. Хорошо это или плохо — она себе представляла смутно. Но в одном была убеждена твердо — занятие полезное. Сказывалась в сыне отцовская усидчивость и упрямство. Тот, бывало, целыми вечерами мог чего-нибудь мастерить по хозяйству. А сын вот мотоциклом увлекся. Габдрахман и не знал, что мать иногда выйдет во двор, сядет на скамейку и смотрит, как сын с домоуправом «колдуют» около мотоцикла. Другие ребята какие-то затеи выдумывают, носятся по двору, шумят, а ее парень с отвертками, гаечными ключами, деталями какими-то домой приходит — озабоченный, серьезный и... грязнуший.

Не ругала его Гасима. Усадит сына обедать, сядет напротив, смотрит и молчит. Только радостное чувство охватывает: «Вот помощник у меня появился. Настоящий мужчина в доме растет».

Когда Габдрахман завел разговор о покупке мотоцик-

ла, Гасима видела, что ему неловко было просить об этом. Конечно, сын понимал, что матери одной тяжело, что с деньгами в доме небогато, да и от него еще помощи мало. И он не требовал, не настаивал, а просто по-мальчишески сказал вслух о своей мечте.

Кто бы знал, как ему хотелось иметь свою, пусть даже дряхлую, полуразвалившуюся, но свою машину. Тогда никто не скажет ему, как это часто бывало, когда он уприсит кого-нибудь дать прокатиться на мотоцикле: «Ты поосторожней, парень, не зацепись где-нибудь».

Он был уверен — будь у него свой мотоцикл, он сделает его самым быстрым, самым легким, самым послушным.

И вот разговор с матерью. Вздохнула Гасима: «Подумаем, сынок».

А мотоцикл они все-таки купили.

Все свободное время Габдрахман теперь проводил в маленьком сарайчике, где стоял мотоцикл. Как-то Гасима Мухаметовна заглянула туда и ужаснулась: колеса — у двери, рама — на земле, вокруг — гайки, болты, детали.

«Я-то по копейке собирала, собирала... И для чего?» — сокрушенно покачала она головой.

«Не волнуйся, мама, вот поставлю мотоцикл на ноги — не узнаешь».

Долго пришлось ждать этого дня. И вот однажды, возвращаясь с работы, Гасима Мухаметовна услышала за спиной какой-то шум. Обернулась — на мотоцикле подъезжает сияющий Габдрахман: «Все, мама, бегаю моя лошадка!».

С того дня по вечерам сын куда-то исчезал. Садился на мотоцикл и уезжал. Габдрахман готовился к серьезному испытанию.

...В республиканский мото клуб ДОСААФ пришел не-

высокий, худенький паренек. Остановился у дверей гаража и молча смотрел, как работают ребята. Недалеко от него широкоплечий парень в комбинезоне защитного цвета копался в моторе. Габдрахман незаметно подошел к нему и тоже присел на корточки. Парень бросил на него взгляд и ничего не сказал. Он долго что-то откручивал, а потом протянул ему инструмент.

— Подержи-ка ключ. Вот эту гаечку подкрути. Так. Хорош. А я что-то тебя здесь никогда не видел.

— Да я так...

— Ну, это ты, брат, еще кому-нибудь скажи. Наверное, записываться пришел? Только я скажу — рановато надумал. Тебе, малыш, еще надо бублики с молоком есть, а не с мотоциклами воевать. Ездить-то умеешь?

— Умею!

— Ишь ты! И права есть?

— Есть.

— И знаешь, что такое карбюратор?

— Знаю.

— А это что? — он ткнул отверткой в двигатель.

— Цилиндр.

— Сдаюсь. Раз ты знаешь, что такое цилиндр, — ухмыльнулся парень, — быть тебе мотогонщиком, — и громко рассмеялся.

— Володя! Курбатов! — крикнул он. — Иди скорее сюда! — Тут к тебе новый гонщик пришел вербоваться.

— Да перестань ты! Не до тебя сейчас, — услышалось из другого угла гаража.

— Я тебе говорю серьезно, — снова закричал парень. — Судьба-злодейка подбросила мне конкурента. Я трепещу от страха...

Подошел Владимир Курбатов. Габдрахман слышал о нем, знал, что это смелый, отчаянный гонщик.

— Опять твои дурацкие хохмочки? — с укором сказал Курбатов, не обращая внимания на Габдрахмана. — Что еще тебе нужно? Делом бы занимался.

— Позвольте представить конкурента. Как тебя зовут-то?

— Габдрахман Кадыров.

— Вот-вот, Габдрахман. Хочет стать мотогонщиком. Видал, какой богатырь, — и он хихикнул.

Курбатов сердито посмотрел на него.

— Пойдем, паренек, потолкуем, — позвал он Кадырова.

Они отошли.

— Ты что, серьезно хочешь записаться в секцию?

— Хочу.

— Ездить ты, конечно, умеешь. Но вот машин у нас сейчас нет.

— А у меня свой мотоцикл.

— Это другое дело. Только, знаешь, у нас спорт особый — смелость большая нужна, выдержка. Впрочем, давай посмотрим, на что ты горазд. Юра, дай-ка машину.

Из гаража выкатили мотоцикл.

— Садись!..

Габдрахман ехал смело и, как ему казалось, легко. Только от волнения немного терялся и его иногда заносило так, что думалось, будто вот-вот вместе с мотоциклом завалится, но в долю секунды он каким-то чудом изворачивался и оставался в седле.

Курбатов был краток.

— Приходи в среду на занятия. Да смотри, чтобы родители потом не прибежали да не плакались, чтобы я тебя выгнал из секции. Понял?

— Понял, — радостно ответил Габдрахман.

## **КРОСС И ЛЕДОВОЕ КОЛЬЦО** \_\_\_\_\_

Через три года Габдрахман Кадыров был уже своим человеком в мото клубе. Его уважали за трудолюбие и скромность, в нем видели способного гонщика, но пока

ничего выдающегося от него не ждали, уже слишком хрупок и тих был парень. Компания в Уфе подобралась сильная, ребята ходили на мотоциклах лихо, и на этом фоне заявить о себе было нелегко. Поэтому даже когда в 1960 году девятнадцатилетний Кадыров выиграл в Казани традиционные соревнования по мотокроссу городов Поволжья и Урала в классе машин 125 куб. см и выполнил норматив мастера спорта, — это было воспринято как должное. Да и сам Кадыров вряд ли думал тогда о каких-то спортивных подвигах.

Габдрахман любил мотокросс. Головокружительные спуски и подъемы, броды и узкие тропки, крутые повороты и неожиданные трамплины — все это заставляло быть в постоянном напряжении, искать выход из любых положений, требовало умения, ловкости, силы, мужества. Кадыров видел в каждом старте большую проверку своего характера, своего спортивного мастерства. Он понимал, что победа над соперниками — это прежде всего победа над собой. Там, где промедлил соперник, заколебался, ты должен выиграть хоть долю секунды. Так складывается победа.

Мотогонки — вид спорта, который позволяет еще раз убедиться в том, что любая борьба требует определенной степени риска, что побеждает тот, кто никогда не колеблется, верит в свои силы и борется до конца.

Габдрахману было знакомо чувство какой-то приподнятости, гордости, когда он оказывался сильнее. Нет, это было не самолюбование, это приходила уверенность в свои силы.

Кадырову казалось, что нет на свете спорта лучше того, который он избрал. Одно его смущало. Хотелось иногда мчаться еще быстрее, еще энергичнее спорить с ветром. Но то колеса вязли в размытом дождем грунте, то рассудок заставлял опомниться и сбавить скорость — всему есть предел. И он чувствовал иногда какую-то неудовлетворенность собой.

Поэтому, когда стали проводиться соревнования по гравевой дорожке, он одним из первых переключился на спидвей. Да, здесь можно было поспорить с ветром. Он мог без усталости гоняться по треку, и чем сильнее ему попадался соперник, тем больше наслаждения испытывал он от борьбы. Габдрахман не любил проигрывать. Если он вдруг пропускал кого-нибудь вперед, то мог, не сбавляя скорости, броситься на вираж, и тогда казалось, что эта игра может для него плохо кончиться. Но он смело проскакивал вперед и легко, изящно летел по прямой, заставляя соперников впиваться в свои мотоциклы с таким ожесточением, что они забывали об осторожности. Спидвей — это было то, что он искал: скорость, дерзость, риск. Пять раз становится Кадыров в составе команды «Башкирия» чемпионом страны в командных гонках, трижды завоевывает Кубок СССР. Кажалось, вот она, мечта, в твоих руках. Но Габдрахман уже присмотрел новое амплуа — мотогонщика по льду. Правда, здесь его пробы пока не приносили удовлетворения. Он еще мало разбирался в специфике этого вида спорта. К тому же на гравевой дорожке Габдрахман чувствовал себя вполне уютно, уверенно.

А что получится с ледовым спидвеем? Об этом никто не мог сказать. Даже он сам.

Но случилось непредвиденное. Уже будучи чемпионом Российской Федерации по спидвею в классе машин 175 куб. см он как-то зимой пришел на уфимский трек, чтобы поболеть за своих ребят, участвующих в соревнованиях на первенство страны по ледовому спидвею.

Уфа — город мотоспорта. Такого количества любителей спидвея нет, пожалуй, нигде в нашей стране. Самые популярные спортсмены, не в обиду другим будет сказано, здесь — мотогонщики.

До начала соревнований оставалось совсем немного времени, когда на трибуну прибежал запыхавшийся тренер башкирской команды.

— Габдрахман, выручай. Заболел Грехов. Некого ставить. Да как-нибудь выступи! Понимаю, что не готовился. Но пойми и меня...

Дебют Кадырова в ледовом спидвее был успешным. Он не мог выступать как-нибудь. Он боролся за победу. Конечно, отсутствие опыта участия в таких соревнованиях не могло не сказаться, да к тому же с тяжелыми машинами (500 куб. см) ему пока не приходилось иметь дело.

Кадыров занял шестое место. Тренер и ребята поздравляли спортсмена. Это действительно был успех.

А перед Габдрахманом неожиданно встал вопрос: нужно было делать окончательный выбор — или спидвей, или гонки по льду? Ребята из «ледовой» команды дружно уговаривали: «Переходи к нам!». Но Габдрахман не мог так просто расстаться с полюбившимся ему спидвеем. Собственно, речь шла не о том, чтобы расстаться, а о том, чтобы несколько изменить свою спортивную профессию. Но если на гаревой дорожке Кадыров уже сумел заявить о себе, то в гонках по льду в активе было пока только шестое место. Успех? Может быть. Но Габдрахман мечтал о большем, и у него были для этого основания.

Как же быть? А если ничего не получится? И придется довольствоваться первой шестеркой?

Все это беспокоило Габдрахмана. И в то же время успешный ледовый дебют оставил чувство удовлетворения. Какое-то странное чувство. Шестое место для дебюта, конечно, хорошо. Но не это было все-таки главным. Габдрахман испытал на гонках гораздо большее — он окунулся в стихию спортивной борьбы в новых условиях, когда потребовалось проявить новые качества, побороть еще не испытанные оттенки и страха, и осторожности, когда и тактика потребовалась иная, чем прежде.

Нет, все-таки есть своя прелесть в гонках по льду. И это чувство, заметил Габдрахман, не покидает его, и ему

хочется снова выйти на старт. И снова мчаться по ледовому диску стадиона.

Рассудок вроде бы удерживал спортсменов от соблазна, говорил: «Одумайся, не торопись, ты же утвердившийся гаревик».

Но Габдрахман все же рискнул. Через некоторое время он пересел на ледовый мотоцикл и стал готовиться к новым стартам.

Дальнейшая спортивная судьба спортсмена подтвердила правильность сделанного выбора...

## НЕМНОГО ИСТОРИИ

---

Давайте на время оставим нашего героя. Кадыров сделал выбор. И, как мы уже говорили, выбор правильный. Он станет тем спортсменом, на долю которого выпадет яркая роль бессменного, на протяжении нескольких лет, фаворита среди сильнейших гонщиков мира.

Сегодня мы по праву гордимся нашими спортивными достижениями. Но мы не должны забывать имена тех, кто проложил дорогу к этим победам.

Прежде, чем засияла на спортивном небосклоне яркая звезда уфимского гонщика Габдрахмана Кадырова, был и Николай Иванович Закревский — инженер и мотоспортсмен, который стал первым конструктором стальных проволочных шипов на шинах и первым их испытателем. И мастер спорта Сергей Бучин, продемонстрировавший в 1938 году в перерыве между таймами хоккейного матча скоростную езду по льду на гоночном мотоцикле. И первые чемпионы страны Раиса Ивонина, Борис Панферов, Борис Самородов, Насреддин Абдрахманов с колясочником Вадимом Панченко. И один из первых конструкторов отечественных рам для гоночных мотоциклов заслуженный мастер спорта Владимир Иванович Карнеев и многие другие.

Появление Кадырова было подготовлено всей историей развития мотогонок по льду в нашей стране.

Первые такие официальные соревнования в нашей стране проводились 13 марта 1939 года на ледяной дорожке Московского ипподрома. В них стартовало более 35 спортсменов Москвы, Ленинграда, Киева и других городов.

Начиная с этого времени мотогонками по льду стали увлекаться и в других городах Советского Союза, где этому способствовали климатические условия. Спортсмены устанавливали стальные шипы на мотоциклах разных классов: 125, 350, 500 и 750 куб. см.

В Ленинграде состязания в мотогонках по льду также начали проводить с 1939 года в Центральном парке культуры и отдыха на Северном пруду. Гонки не сразу перекочевали на ледяные дорожки стадионов. В Москве, например, в течение нескольких лет они проходили и на ипподроме, и на прудах ЦПКиО им. Горького.

В 1955 году Центральный стадион «Динамо» предоставил малую спортивную арену для организации соревнований по ледовому спидвею. Стадион оказался не в состоянии вместить всех желающих посмотреть заезды сильнейших гонщиков столицы и Московской области.

Да, интерес к состязаниям был огромен. Гонки на мотоциклах по льду — это казалось чем-то фантастическим. Ведь большинство москвичей до этого не имело возможности так близко познакомиться с этим видом спорта.

В 1959 году в Москве на Центральном стадионе им. В. И. Ленина был организован первый чемпионат страны, в котором участвовали 76 спортсменов, выступавших в классах 125, 350 куб. см и на мотоциклах с колясками. Имена победителей этих соревнований мы уже назвали.

К тому времени произошли изменения и в стиле управления мотоциклом. Стремясь еще больше увеличить

скорость, московский спортсмен Анатолий Егоров применил специальный наколенник, который стал опорой на повороте, и машина шла под более острым углом (раньше левая нога гонщика скользила по дорожке только стальной подошвой, надетой на обувь).

Изменилась и система соревнований. Если сначала гонки проходили по системе с выбыванием, то потом были введены таблицы, предусматривающие участие спортсмена в нескольких сериях заездов и обязательную встречу на дорожке каждого с каждым.

Начиная с 1960 года чемпионаты страны начали разыгрываться только на мотоциклах-одиночках. Появился и новый класс мотоциклов 500 куб. см. «Пятисотки» стали особенно популярными, ведь именно в этом классе машин достигаются наибольшие скорости и проводятся международные соревнования.

В то время, когда наши гонщики проводили свои первые чемпионаты, зарубежные спортсмены уже встречались между собой. Гонщики Норвегии, Финляндии и Швеции проводили международные матчи. Однако они носили неофициальный характер и не входили в календарь Международной мотоциклетной федерации. Между тем на севере Финляндии был создан спортивный мотоклуб, который стал заниматься организацией и проведением планомерных международных календарных встреч в мотогонках по льду. Вышли на международную арену и советские гонщики. В марте 1960 года в Советском Союзе (в Москве и Уфе) состоялись первые международные гонки по льду между лучшими спортсменами СССР и Чехословакии. Затем по инициативе Федерации мотоспорта СССР в 1961 году в Уфе и Москве были проведены официальные гонки на Кубок дружбы, в которых встретились гонщики СССР, Финляндии, Чехословакии и Швеции.

Скандинавские мастера езды на шипах, имевшие большой опыт, одержали победу над советскими гонщи-

ками, показавшими большое мужество, но еще недостаточную технику езды. Кубок дружбы увез в Швецию опытный Бьерн Кнутссон. Вторую ступень пьедестала почета занял его коллега Билли Андерссон. Лучшим советским спортсменом, проигравшим только двум шведским асам, оказался уфимец Фарит Шайнуров.

Вскоре состоялся ответный визит советских гонщиков в Швецию и Финляндию. Зрители, заполнившие трибуны треков Стокгольма и Хельсинки, были покорены классом езды спортсменов Бориса Самородова, Фарита Шайнурова, Всеволода Нерытова и Сергея Старых, которые одержали целый ряд блестящих побед и доказали своим соперникам, что технические качества советских мотоциклов (рама которых была сконструирована В. И. Карнеевым) значительно возросли.

Позднее на конгрессе ФИМ по инициативе представителей СССР было принято решение проводить официальные гонки по льду на Кубок ФИМ. Эти соревнования состояли из десяти этапов — пять гонок проводились в СССР и пять в Швеции и Финляндии.

Блестящего результата добился Борис Самородов. Он завоевал первый официальный трофей, а также выиграл дополнительную гонку на кубок «Трофей наций». Советский ас льда увез в столицу Башкирии два первых приза. Вторым был московский гонщик Всеволод Нерытов.

Хороших успехов достигли спортсмены и в чемпионатах Советского Союза. Первым чемпионом СССР в классе мотоциклов 500 куб. см стал уфимский мастер спорта Фарит Шайнуров (1960 год). В 1961, 1962 и 1963 годах титул чемпиона СССР завоевывает уфимский мастер Борис Самородов.

Возросшая популярность мотогонок по льду позволила Федерации мотоспорта СССР внести предложение на конгрессе ФИМ о проведении чемпионата Европы по этому виду спорта.

Первый чемпионат Европы был проведен в 1964 году. В нем приняли участие спортсмены семи стран. Титул чемпиона Европы завоевал Г. Кадыров (он же чемпион СССР 1964 года), вторым был В. Дубинин, третьим — Ю. Дудорин.

Во втором чемпионате Европы уже участвовали гонщики десяти стран. Чемпионом на этот раз стал Б. Самородов, серебряным призером — Г. Кадыров. Бронзовые медали получили В. Нерытов (СССР) и чехословацкий гонщик А. Шваб.

Несколько месяцев спустя, на весеннем конгрессе ФИМ, было решено, начиная с 1966 года, проводить чемпионаты мира в мотогонках по льду.

С тех пор проведено восемь чемпионатов мира. В семи из них победа была за нашими спортсменами. Шесть раз чемпионский титул завоевывал уфимский гонщик Габдрахман Кадыров, один раз золотая медаль досталась его земляку Борису Самородову и только в 1970 году победителем вышел чехословацкий гонщик Антонин Шваб.

## ПУТИ, ДОРОГИ...

---

Дорога на чемпионский трон оказалась долгой и трудной. Были удачи, были и срывы. В то время на ледяной дорожке в нашей стране безраздельно господствовал замечательный гонщик Борис Самородов. Казалось, долго еще не будет спортсмена, который сможет составить ему конкуренцию. Даже ребята сильные, очень сильные, всегда оказывались хоть чуть-чуть, а сзади Самородова. Оптимистичный, веселый, общительный парень был любимцем уфимских болельщиков, их кумиром. Габдрахман долго и внимательно присматривался к его манере езды, пытался копировать его старт, прохождение виража, но у него все получалось почему-то

иначе. Он понимал, что нельзя в точности повторить шаги чемпиона, надо взять за основу его технику, а идти своим путем. Понимал, но снова и снова на тренировках и соревнованиях сбивался на «самородовский почерк».

Как-то Самородов сказал ему:

— Мне нравится твоя настойчивость, Генка. (Так дружески называют Кадырова в мото клубе). Я верю, что из тебя получится большой мастер. И, если хочешь, в первую очередь я должен опасаться тебя. Почему? Ты смел, решителен, неплохой тактик, хорошо чувствуешь машину. В тебе есть все, что необходимо классному гонщику. Но зачем ты так настойчиво убиваешь в себе свою индивидуальность? Признаться, «под меня» ты сейчас едешь лучше меня самого. А где кадыровское? Где твое? Где индивидуальность? Это хорошо, что ты изучаешь соперников, но надо же идти дальше. Обретай свое лицо, все равно Самородовым ты не станешь, а вот чемпионом стать можешь. Уверю тебя...

«Что это? — думал Кадыров. — Отчего такая исповедь? Может быть, хитрость? Самородов боится, что по его же нотам Кадыров лучше исполнит партию? Нет, Борис не такой!»

И только много позже он понял, что Самородов заболел о нем, потому что видел в Габдрахмане своего преемника в недалеком будущем, потому что этот честный парень не мог равнодушно смотреть, как все дальше уходит с правильного пути талантливый спортсмен. Он не мог молчать.

«Чемпионом стать можешь» — слова эти запали в душу. Он понимал, что ни Самородов, ни Фарит Шайнуров, никто другой не уступят ему победу просто так. Нужно готовиться к трудной борьбе. И он готовился. Готовился и ждал своего часа. И час этот пришел.

1964 год. Первенство СССР в Москве.

«Если смотреть с трибун мототрека на серебристый



Он и впрямь чем-то похож на рыцаря. Вот только вместо коня — мотоцикл

лед «кольца скорости», то покажется, что под звуки торжественного марша на трассу смелых в лучах прожекторов выходят рыцари.

Гонщики, действительно, даже внешне, похожи на рыцарей. Сверкающие шлемы, очки, костюмы: сковывающие движения, предохранительные наколенники и налокотники — все это дополняет сходство.

Внешне спокойные, стоят они на параде, хотя в мыслях уже мчатся в реве моторов по ледяной дорожке. И даже в этом традиционном ритуале — их представлении зрителям — чувствуется какая-то своеобразная торжественность.

После парада спортсмены уходят в предстартовый парк.

И в наступившей напряженной тишине вы смотрите на поворот ледяной зеркальной дорожки и не можете представить, что мотоциклы даже на стальных шипах смогут удержаться на ней.

И вот старт дан! Тишина взрывается шумом моторов. Гонщики влетают в поворот и описывают его с фанта-

стической скоростью на мотоциклах, почти лежащих на боку! Все это ошеломляет, захватывает вас с непреодолимой силой».

Так рассказывает о мотогонках по льду заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Владимир Иванович Карнеев.

Да, соревнования по этому виду спорта проходят в какой-то особой, праздничной обстановке.

Никогда еще зимой Лужники не собирали столько зрителей (разве что на чемпионат мира по конькам). Стадион гудит, болельщики обмениваются мнениями в ожидании стартов, строят прогнозы. Большинство сходится на том, что победит Борис Самородов.

В лучах прожектора искрится ледяная дорожка. Габдрахман в последний раз осматривает машину. Кажется, все в порядке, можно начинать. Ребята тоже копошатся у своих мотоциклов. Сейчас самые напряженные минуты, вот-вот вызовут на старт.

Борис Самородов очень спокоен. Он разговаривает с механиком, и с его лица не сходит улыбка. Удивительный человек, кажется, его ничто не беспокоит. Габдрахман тоже старается выглядеть уверенным и спокойным. Он все делает не спеша, размеренно, но иногда ловит себя на том, что выполняет все автоматически, что душою он уже там, на дистанции.

Первый день гонок сложился для Габдрахмана трудно. Не смог он справиться с волнением. Проиграл Сорокину. А все из-за того, что перегорел на старте. Рванул так, что машина чуть не выскользнула из-под него. Так, на одном колесе, и пробороздил несколько метров. Пока усмирил «коня», соперники ушли вперед. Кадыров шел четвертым. Придешь последним — баранка, и прощай все надежды на хорошее место. Габдрахман крепче сжимает руль, на вираже летит, чуть ли не задевая бедром лед. Вот они, соперники, совсем рядом. Еще рывок! Он прибавляет газ и замечает, что

между двумя гонщиками образовался просвет, бросает в него машину и на прямую выскакивает уже вторым. Впереди только Сорокин, а до финиша всего двести метров. «Ну еще немного, чуть-чуть», — и...

Финиш пересекли почти одновременно, колесо в колесо. Но судьи нашли, что на какое-то мгновение Сорокин был впереди. Очко потеряно.

Тем временем Борис Самородов выиграл четыре заезда и вышел в лидеры. Все должен был решить второй день.

Москвичам понравился юркий Габдрахман Кадыров. Его легкая, смелая езда производила большое впечатление. Когда на следующий день судья-информатор, объявляя участников очередного заезда, назвал фамилию Кадырова, трибуны одобрительно загудели.

Помню этот день. Рядом со мной на трибуне стоял пожилой мужчина. Как и большинство москвичей, пришедших на стадион, он отдавал свои симпатии Кадырову. Каждый раз, когда на старт выходил Габдрахман, он поворачивался ко мне и уверенно говорил: «Смотри, как сейчас этот татарчонок всем покажет хвост». Кадыров, легкий, резкий, уже со старта вырывался вперед (видно, вчерашний урок пошел ему на пользу) и никому не уступил лидерства до конца дистанции. Он одержал красивые, убедительные победы во всех заездах и обошел по очкам самого Самородова.

Так в списке чемпионов страны появилась новая фамилия — Кадыров.

Габдрахман смущенно принимал поздравления. Это был первый его большой успех. Как он отнесся к этому? Ему было чуточку неловко. Особенно перед Борисом Самородовым. Был бы на его месте кто-нибудь другой — какой-нибудь самохвал или зануда (и такие ведь тоже ходят в чемпионах), нарочно бы прошелся перед ними с гордым видом. А перед Борисом — нет. Впрочем, и перед другими Габдрахман никогда не ко-

зырял победами. Кадыров любил этого простого, бесхитростного парня, хорошо знал его и достоинства, и слабости. Он и должен был знать их — качества своего соперника. И теперь получалось, что он воспользовался... «Нет, нет... Чем же воспользовался? Игра была, как всегда, наичестнейшая. Наверное, я оказался чуть-чуть удачливее. Надо поговорить с Борисом, обязательно надо», — думал Габдрахман.

Нет, он все-таки еще плохо знал Самородова. Борис встретил Кадырова приветливо.

— Ну, поздравляю! Шустрый же ты, Генка! Обскакал меня, обскакал... Да что там! Досадно, конечно, но ведь не в последний раз на лед выходим. Верно?— и он улыбнулся.

Улыбнулся немного грустно. Он, конечно, верил в Кадырова и понимал, что не кто иной, а именно Габдрахман станет его главным соперником. Но никак не предполагал, что это случится так быстро.

Конечно, он переживал поражение, конечно, ему нелегко было согласиться, что этот щуплый паренек оказался сильнее его. Но где-то в душе он испытывал большое удовлетворение тем, что вот появился еще один настоящий парень, которому можно будет передать свою эстафету, который не подведет.

Они долго говорили в тот вечер. Нет, прежний чемпион не сдавал своих полномочий. Это была встреча бойцов, однополчан. Перед новыми сражениями.

А в далекой Уфе Гасима Мухаметовна жадно прислушивалась к сообщениям о чемпионате. Она уже давно «заболела» этими мотогонками. Как-то украдкой от сына пошла на соревнования, и с тех пор появилась у Габдрахмана самый верный болельщик. Сначала Гасима даже смущалась, когда ловила себя на мысли, что ждет новых гонок, чтобы увидеть на них сына, но потом свыклась со своей новой необычной ролью и даже в душе

гордилась этим. Порою, правда, становилось страшно и она говорила себе, что никогда больше на стадион не пойдет. Но наступал день, когда сын рано утром укладывал свою спортивную одежду, весело прощался с матерью и уезжал на соревнования, и она уже не могла оставаться дома...

Телеграмму принесли поздно вечером. «Мы — чемпионы!» — сообщал Габдрахман. Гасима Мухаметовна не удержалась — пошла к соседям. Все уже знали, что Кадыров стал победителем первенства страны, но снова и снова поздравляли мать.

«Мы — чемпионы...». Для матери эти два слова — лучшая награда.

«Вот ведь вспомнил и обо мне, — думает Гасима.— А ведь небось сейчас не до этого». Она прижимает к груди телеграмму: «Вот и добрые вести получать стала».

Да, Габдрахман Кадыров стал чемпионом СССР.

А ведь его никто не считал фаворитом. Он даже не был в числе участников предстоящего первого чемпионата Европы, на который отбирались лучшие гонщики страны. Пришлось руководителям Федерации мотоспорта срочно вносить коррективы в списки. Забегая вперед, скажу, что коррективы эти оказались очень уместными, ибо речь шла о будущем победителе этого чемпионата.

Среди соперников были известные мастера ледового спидвея — чемпион Швеции Бьерн Херпфельд, его соотечественники Окэ Эстблум, Виллерд Томссон, Пьер Холландер, финны Антеро Салосато, Эспо Коннонен, Эро Лензу и другие знаменитые гонщики.

А наши ребята! Борис Самородов, Вячеслав Дубинин, Юрий Дудорин — каждый вполне мог претендовать на высший титул.

Провожая сына на гонки, Гасима Мухаметовна сказала: «Ты только осторожней, сынок». Она очень переживала за сына: радовалась вместе с ним его победам и

не очень огорчалась поражениям — лишь бы был цел и невредим.

Габдрахман уехал в Ленинград, где проводился первый этап первого чемпионата Европы.

Вот и настало время встретиться лицом к лицу с сильнейшими гонщиками континента.

Кто ты, Габдрахман Кадыров? Чего стоишь?

Чемпионат должен был дать ответы на эти вопросы.

Уже потом, много лет спустя, Габдрахман с улыбкой будет вспоминать те тревожные ленинградские дни. Он не оробел перед знаменитыми гонщиками, не испытывал страха, как это случается у дебютантов сборной. Но и не чувствовал привычного спокойствия и легкости, с которыми всегда выходил на старт. Он понимал, какая огромная ответственность возложена на команду, а значит, и на него, Кадырова. Это — не уфимские гонки среди своих «однополчан», это даже не первенство страны, где, пожалуй, только болельщикам, спортивным руководителям и самим спортсменам не все равно, кто будет первым. С точки зрения советского спорта, вообще не столь важно, кому достанутся лавры чемпиона, важно, чтобы это был достойный такого высокого звания спортсмен, важно, чтобы соревнования помогли открыть новые таланты, стали шагом вперед.

Здесь же речь шла о спортивном престиже страны. И если тебя включили в команду, если тебе доверили отстаивать этот престиж, ты должен отдать все для победы. Да, ответственность свалилась на плечи неожиданно тяжелым грузом. Габдрахман заметил, что на тренировках он стал делать все слишком старательно, — так, что от этого пропадала непринужденность, которой он отличался.

«Нужно расслабиться, отвлечься, — думал Габдрахман. — В голове только гонки».

В Ленинграде есть что посмотреть — Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский собор... А он решил просто

пройтись по городу. Забрел на Васильевский остров со странными названиями улиц: «3-я линия», «7-я линия» и даже «Косая линия». Навстречу ему шли люди. Наверное, у всех были какие-то дела. Кто-то спешил на работу, кто-то опаздывал в театр, а кто-то просто, как и он, гулял. И Габдрахман вдруг почувствовал, что он вовсе не гость в этом городе, что эти симпатичные люди, которые ему попадаются навстречу, хорошо ему знакомы. Он их видел и в родной Уфе, и в Москве, и в Новосибирске... Это ведь они завтра придут на гонки болеть за наших ребят, за него. И ему стало радостно от всего этого.

В Ленинграде собрались настоящие асы ледового спидвея. И, наверное, каждый из них где-то в душе питал надежды на чемпионский титул. Но... соискателей было много, а золотая медаль одна.

Зарубежные спортсмены, едва ступив на ленинградскую землю, интересовались самочувствием Бориса Самородова, будет ли он участвовать в соревнованиях.

Особенно беспокоились шведы. Самородов успешно выступил накануне на Королевском стадионе в Стокгольме и нагнал страху на соперников.

— Самородоф! О-о-о! Русская ракета, — говорили о нем.

К Кадырову особого интереса не проявляли. А Габдрахман на тренировках приглядывался к иностранцам. Это были достаточно сильные ребята, но где-то в душе Кадыров понимал, что не они составят ему конкуренцию.

И вот старты. Габдрахман не ошибся. Главным для него стал заезд с участием Бориса Самородова, Вячеслава Дубинина и Юрия Дудорина.

Со старта он упустил соперников — Самородов и Дубинин ушли вперед. Но недалеко. Кадыров шел третьим. На прямой он достал и обошел Дубинина, впереди оставался Самородов. На втором круге Габдрахман поч-

ти вплотную приблизился к лидеру, и вдруг тот сбавил скорость и отстал. Оказалось, что лопнула рама мотоцикла.

— Везет тебе, Габдрахман, — сказал ему кто-то из болельщиков. — Подарил тебе Самородов заезд.

Кадыров чувствовал себя немного неловко. Действительно, если бы не эта накладка с мотоциклом, неизвестно, чем бы кончилась борьба.

Он пришел к Самородову.

— Вот что, Борис. Давай будем считать этот заезд недействительным. Так, для себя. На чужой беде далеко не уедешь, я хочу победы честной.

— А я и не собираюсь все время делать тебе такие подарочки, — улыбнулся Самородов, — у нас еще все впереди. Держись, Генка, мы еще поспорим!

Соперники на ледовой дорожке, они оставались друзьями в жизни.

Ответ на негласный уговор должны были дать старты в Уфе, где проводились решающие этапы.

Да, в Ленинграде советские ребята оказались сильнее. Но, отправляясь в родную Уфу, Габдрахман не сбрасывал со счета и своих иностранных друзей-соперников. И от чехословацких, и от шведских гонщиков можно было тоже ждать сюрпризов.

Но уфимские болельщики думали иначе.

Уфа. Что творилось здесь в эти дни! Казалось, весь город живет гонками. Успешное выступление их земляков на первом этапе чемпионата и особенно Габдрахмана Кадырова, который вновь оказался впереди кумира уфимских болельщиков Бориса Самородова, давало основание предполагать, что первым чемпионом Европы станет один из башкирских гонщиков. Но кто? Ответить тогда на этот вопрос не решались даже самые авторитетные знатоки этого вида спорта. Впрочем, без прогнозов все-таки не обошлось. Самородов! Кадыров! Самородов! Кадыров! — сражались болельщики.

А те, кому предстояло решить этот спор на ледовой дорожке, дружно готовились к стартам. Самородов не скрывал своего намерения взять реванш за проигрыш в Ленинграде, Кадыров только пожимал плечами, когда его спрашивали о том, как он думает выступить.

Он и впрямь не знал, что его ждет впереди. Знал одно — Самородов постарается наверстать упущенное, да и Вячеслав Дубинин из Новосибирска и уфимец Юрий Дудорин тоже не прочь будут побороться за золото — это они тоже доказали в Ленинграде.

Да, снова, как и на первом этапе, главным соперником Кадырова оказался Борис Самородов. Хотя и предыдущие заезды были тоже нелегкими, этот стал кульминацией соревнований.

...Почти четыре круга Самородов был впереди. И все же на последнем вираже Габдрахман сумел проскочить вперед.

Первым его поздравил с победой Борис Самородов.

— Откровенно говоря, я все же думал, что не проиграю тебе. А теперь вижу, что ты, парень, тоже силен.

После этой победы Кадыров почувствовал еще большую уверенность. Именно уверенность в своих силах, а не самоуверенность.

Перед последним этапом соревнований ситуация сложилась такова, что Габдрахману нужна была только победа — и он становился чемпионом Европы.

Кадыров очень волновался. Виду, правда, он не показывал, но на гонке это все же сказалось.

У Кадырова было два основных соперника — швед Пьер Холландер и все тот же Борис Самородов.

И снова они встретились на ледяной дорожке друзья-соперники. Сначала лидировал Самородов, потом Кадыров, но, когда до финиша оставалось совсем немного, Самородов делает мощный рывок и первым пересекает финишную черту. Но впереди у Габдрахмана еще заезд. Не все потеряно.

О, что это был за заезд! Стартовали Холландер, Махач, Коннонен и Кадыров.

Больше всего Габдрахман опасался Холландера. Шведский гонщик очень тонко чувствует соперника и наверняка постарается использовать свое психологическое преимущество — ведь Кадырову нужна только победа, а это, естественно, сковывает спортсмена. Понимали это и Махач с Конноненом. Соперники, как показалось Габдрахману, чувствовали себя несколько самоуверенно. А он? Он вдруг заволновался... И вот старт.

Стадион замер, когда увидел, что на первый вираж Габдрахман вышел только четвертым. У болельщиков дрогнуло сердце: «Неужели проиграл?».

Оказаться в хвосте, да еще в заезде, где нужна только победа! Габдрахман понял, что сейчас может решиться все.

Поворот. Здесь даже самые отчаянные гонщики снижают скорость. А Кадыров, не сбавляя газа, бросается на крутую ледовую дугу. Кажется, вот-вот его выбросит на снежный бортик и эта рискованная погоня кончится плохо. Впечатление такое, что Махач, Коннонен, наконец, Холландер приостановились, замерли от изумления. Это было великолепное зрелище!

На прямую Габдрахман выскакивает первым...

Трудно найти в спорте более запоминающуюся картину, чем победа, которая, казалось бы, невозможна, недостижима — все-таки победа.

Габдрахман вел гонку с таким вдохновением, с такой страстью, будто от этого заезда зависела его жизнь. Он вложил в этот старт все, что у него было за плечами: весь опыт, все мастерство. И победил.

Стадион ревел. Болельщики буквально были потрясены увиденным.

Как выяснилось позже, эта победа обеспечила Кадырову золотую медаль чемпиона Европы, ибо в следую-

щем заезде Самородов проиграл Холландеру и Кадыров стал победителем.

Чемпион Европы, первый чемпион — наш советский гонщик.

Советское правительство высоко оценило мужество и спортивную доблесть Г. Кадырова: он был награжден медалью «За трудовое отличие».

Победа не вскружила голову чемпиону. Скорее наоборот — он понял, что такое настоящая, большая, спортивная битва. Здесь нужно быть собранным до предела, не упускать даже самого последнего шанса, не опускать рук, если проиграл, не успокаиваться, если выиграл. Как ни странно, он был благодарен судьбе, что все ему удалось с таким трудом, что его соперники оказались достойными и в чем-то равными.

Это заставляло задуматься над многим, заставляло работать, работать, работать...

Потом Кадыров скажет: «Только познав горечь неудач, испив чашу поражения, можно понять истинную цену успеха, вкусить всю сладость победы...».

## **СВОЙ В КОМПАНИИ СИЛЬНЫХ** \_\_\_\_\_

Мотогонщики — люди особой закваски. Этот вид спорта требует большого мужества, воли, выдержки. Здесь подбирается народ смелый, сильный, немного жестковатый. Сентиментальность у них не в почете. Эти люди слегка грубоваты, но прямы и честны, товарищество и взаимопомощь — основные качества любого такого коллектива. Трусливый, верткий тут не приживается.

После знакомства с этими ребятами всегда хочется снова встретиться с ними. Я заметил, что обычно многие зрители смотрят на мотогонщиков с почтением, даже спортсмены — представители других видов спорта — относятся к ним с особым, подчеркнутым уважением. И

это справедливо. Уж, если «в хоккее играют настоящие мужчины», то кто же те, которые с бешеной скоростью носятся по ледовому кольцу, те, кто, перелетев на крутом вираже через снежный бортик (а ведь и такое случается), снова садятся на мотоцикл и, забыв о страхе, летят, выбрасывая из-под колес ледовый веер.

Кто они?

«Гонщик должен иметь горячее сердце и холодную голову», — любит повторять Габдрахман Кадыров. Его спортивный принцип, как видите, очень прост. Он — действительно горячий, пылкий боец, но не безрассудный. О нем говорят, что он гоняется «чисто». Это значит, что спортсмен ведет борьбу честно, он не «наступит» на колесо соперника, он не поставит его в безвыходное положение, но не будет прибегать к опасным маневрам, лишь бы занять удобную позицию. Чемпион силен своей открытой тактикой, высоким мастерством. А мастерству не нужны уловки.

— Я всегда поражался его аккуратностью, интеллигентностью, если хотите, во время гонок,— рассказывает заслуженный мастер спорта Борис Александрович Самоуродов.

— Мне не раз приходилось стартовать с ним в одних соревнованиях и даже в одном заезде. У него удивительное чутье на старте и изумительный рывок. На вираж он почти всегда выходит первым. Представьте, что это такое? К тому же, он — настоящий боец, даже проигрывая, он будет бороться до конца.

И мне приходилось не раз наблюдать Кадырова на ледяной дорожке. Да, он умеет бороться, умеет побеждать. Легкий, изящный, он словно летит над льдом.

Может быть, это не совсем верно, но мне хочется сравнить заезды Кадырова со спринтерскими забегами нашего Валерия Борзова на олимпийских дорожках Мюнхена. Так же приблизительно равны силы выходя-

щих на старт, так же все мечтают о победе и так же легко, непринужденно, как Борзов на стометровке, выигрывает Габдрахман у своих соперников. Кажется, у него такой запас скорости, что его невозможно обойти.

Это и есть высшее спортивное мастерство. О Борзове поэт Роберт Рождественский сказал, что «это вдохновенный бегун, художник бега». Наверное, эти слова можно адресовать и великоллепному мастеру мотогонок по льду Габдрахману Кадырову.

Большой спорт, естественно, накладывает на людей свой отпечаток. Мы восхищаемся мужеством, волей, бескорыстностью наших ведущих спортсменов. Но бывает, что кое-кто становится заносчивым, эгоистичным, слишком самолюбивым.

Кадыров получил в спорте все, о чем только можно мечтать. Но остался самим собой — трудолюбивым, скромным, отзывчивым товарищем.

Борис Самородов рассказывал, как однажды во время всесоюзных соревнований в Ленинграде лопнула рама его мотоцикла.

Габдрахман уже закончил гонки, машину упаковал и ждал окончания соревнований. А у Самородова еще был впереди переезд за третье место. Мотогонщики знают, что такое снова поставить машину на колеса. Но Кадыров предложил Самородову свою машину. И на его мотоцикле Самородов выиграл призовое место.

На международных соревнованиях в Стокгольме снова не повезло Борису Самородову — на колесе мотоцикла полетело несколько шипов, а наутро — старт. Сразу же после заезда к Самородову подошел Кадыров: «Не печалься, старче, поможем», — похлопал он друга по плечу. Борис знал, что Габдрахман в беде не оставит. После соревнований к ним присоединился Всеволод Нерытов, и втроем они до поздней ночи ремонтировали шипы.

А ведь им предстояло оспаривать друг у друга пер-

венство. Таковы наши советские ребята. Их дружбу, сплоченность, бескорыстность не раз отмечали и зарубежные спортсмены.

— Советские гонщики — открытые, честные ребята. С ними можно смело выходить на старт. Будьте спокойны, они не сделают никакой гадости. На них можно положиться, — говорил англичанин Нигель Букок.

Ему не раз приходилось стартовать вместе с нашими гонщиками. Однажды во время крупных международных соревнований на зарубежном треке, где выход с виража на прямую заканчивается довольно узкой дорожкой, он во время заезда смело бросился в просвет между нашими ребятами как раз на этом самом узком месте. Стадион ахнул. По всем законам зарубежной «этики» соперники должны были зажать смельчака, помешать ему проскочить вперед, несмотря на то, что это могло плохо кончиться для спортсмена. Но наши гонщики не помешали ему, хотя и не отдали победу.

Потом у Букока многие его болельщики с удивлением спрашивали: «И как ты решился на это, Нигель? Ведь это риск».

— Вы просто плохо знаете русских, — отвечает англичанин. — Это настоящие спортсмены.

Экс-чемпион мира чехословацкий гонщик Антонин Шваб до сих пор с теплотой вспоминает о Габдрахмане Кадырове, который помог ему в трудную минуту.

Было это на одном из этапов финальных соревнований на первенство мира в 1969 году. У Антонина вышла из строя машина. Нужно стартовать, а на чем? Первую попавшуюся не возьмешь. И тогда к нему подошел Габдрахман и предложил для выступления свой мотоцикл.

— Я, конечно, понимаю, что замена не равная, — сказал он. — Но за свой мотоцикл я ручаюсь, не подведет.

Антонин был удивлен. Как же так, основной претендент на чемпионский титул, знающий, что Шваб — силь-

ный гонщик, который и сам не прочь вмешаться в спор за чемпионское звание, отдает свою машину. Ему казалось, что это ошибка, Габдрахман что-то путает. Но нет, Кадыров подводит его к своему мотоциклу: «Бери, выходи на старт».

Он крепко жмет руку советскому гонщику и обнимает его:

— Спасибо! То-ва-рищ!

Да, Кадыров — отзывчивый, добрый человек. И многие удивляются, как может так преобразиться он на дорожке, где становится крутым, решительным, жестким.

В самом деле, откуда у этого тихого парня столько азарта, спортивной злости? Впрочем, ему ли одному можно адресовать этот вопрос? Да мало ли их, таких парней, становящихся в спортивном поединке бесстрашными бойцами — решительными, до безрассудства смелыми, отважными? Характер? Конечно. Но не только характер. Человек, который поставил перед собой большую цель в спорте, не может быть довольным собой, даже когда он — второй, даже когда проиграл более сильному сопернику.

Кадыров по крупинке накапливает спортивную злость — это ценное качество истинного мастера, чемпиона, чтобы в нужную минуту, в самую нужную, взорваться, вспыхнуть и победить.

— Как побеждаю? Наверное, чуть быстрее других удается пройти дистанцию, — улыбается он.

Нет, он не скрытен. Все его секреты — на виду. Вот, говорят, что у него отличный старт. И он не прячется от других. На тренировках, на соревнованиях — все на виду. Подойди, спроси что-нибудь — ответит, покажет, расскажет.

Он не боится раскрывать свои «тайны», которых, как он считает, у него вовсе нет. Не боится потому, что уверен в своих силах, потому, что мастерство его держится не на каких-то тайнах, а на большой организованности,

внутренней собранности, серьезном отношении к делу. Можно, конечно, уповать на талант, одаренность. Действительно, это талантливый спортсмен, выдающийся. Но ведь и талант только тогда расцветает, когда человек много работает над собой, развивается этот талант.

Для Кадырова тренировка — это не просто необходимость, обязанность, это радость, удовольствие. Вот в чем главное.

Мне приходилось встречать спортсменов, которые буквально вымучивали в том или ином виде мастерское звание. Но на этом все и кончалось. Большой мастер не может без любимого вида спорта, это становится его жизненной необходимостью, потребностью.

Габдрахман не может прийти на тренировку просто так, показаться ради удовольствия. Он все делает серьезно, основательно. И вроде бы зачем рисковать? На соревнованиях — другое дело. А на тренировке? Нет, Габдрахман каждый тренировочный круг стремится проходить с полной нагрузкой.

«Если ты решил в чем-то добиться настоящего успеха, делай все основательно, добросовестно. Будь честен перед друзьями, перед тренерами, перед собой. Никаких поблажек, никаких уступок прежде всего себе», — говорит Кадыров.

И он остался верен своим принципам.

Конечно, это не значит, что у Габдрахмана все идет безупречно. И в спорте, и в жизни. Иной раз погорячиться может, обидеться. Всякое бывает. Но это не капризы «звезды». Кадыров, как говорят его друзья, зря шуметь не станет.

**«...ВЛИВАЕТСЯ В ТРУД МОЕЙ РЕСПУБЛИКИ!»** \_\_\_\_\_

Июнь 1969 года.

Кремль. Кабинет Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного.

Наступает торжественная минута. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР Арутюнян вручает награды. Габдрахман слышит, как бьется в груди сердце. Надо же, никогда так не волновался.

— Габдрахман Кадыров!

Ему кажется, что его фамилию произнесли особенно громко. Быстро встает и идет к столу.

Арутюнян вручает Кадырову орден «Знак Почета» и неожиданно спрашивает:

— А сколько вам лет, юноша?

— Двадцать восемь...

Арутюнян улыбается.

— Выглядите очень молодо. Это хорошо. Желаю вам новых успехов в спорте, молодой человек.

Орденосец... Уже в самом этом слове содержится определенный заряд романтики. Боевой, трудовой и, конечно, нашей, спортивной. Орденосец — это человек, ставший первым в своем деле. В деле, которым он прославляет Родину.

Кадыров... Многие из присутствующих здесь спортсменов знали его по фамилии, знали как чемпиона и отличного спортсмена. Не знали только в лицо. И вот теперь с любопытством рассматривали этого невысокого, далеко не богатырского сложения парня, именуемого «королем ледового спидвея». Да и Кадыров многих из них видел вот так, рядом, впервые.

Арутюнян поздравляет спортсменов с наградой. Он желает им новых успехов и «невероятной, безграничной воли к победе».

— Всегда приятно, когда то, что ты делаешь, становится общим делом, когда в твоём успехе заинтересованы миллионы людей, — говорит выступавший от имени спортсменов прославленный борец, неоднократный чемпион мира Анатолий Рощин. — Хочется сказать об

этом словами Владимира Маяковского: «Мой труд вливается в труд моей республики!».

Габдрахман чувствует, что это именно те слова, то, что сейчас в душе у каждого.

Да, спорт — это труд. Но только ли? Рискнуть и победить — вот чего ему всегда хотелось. Победить сильного, равного соперника, испытать наслаждение в бою, в борьбе. Необычное, прекрасное чувство. И это все — спорт.

Чемпионка мира по конькам Ласма Каунисте, известные фигуристы Алексей Уланов, Ирина Роднина, хоккеисты Александр Рагулин и Валерий Харламов и многие другие выдающиеся спортсмены сегодня в Кремле. Габдрахман Кадыров вместе с ними. Он знает, что не всем из них приходилось бывать на мотогонках. Не все хорошо представляют, что это такое.

— У вас, хоккеистов, все на виду, — говорит Кадыров Валерию Харламову. — Борьба в полном смысле слова. За шайбу, за выгодную позицию. У нас — ледовая дорожка, ты и соперники. Много скрытой внутренней борьбы.

Да, здесь не применишь силовой прием, не обведешь красиво соперника, не забросишь в «девятку» шайбу. Да и заезд длится всего около минуты. Но какие драмы разыгрываются порою в этот короткий промежуток времени! Да, спорт — борьба. Захватывающая, красивая. И где бы это ни происходило — на хоккейной ли площадке, у волейбольной сетки или на дистанции ледового спидвея — это прекрасно. Лед, скорость, мужество, смелость — только ли на хоккее такое встретишь?

У спортсменов нашлось многое, что они хотели сказать друг другу. Они знали цену спортивным сражениям, они прошли своими дорогами через горнило крупнейших соревнований.

Ордена «Знак Почета». Это была награда за труд, за долгие часы, проведенные на мототреке в изнуритель-

ной борьбе с секундами, метрами, за мужество и спортивную доблесть. За то, что не струсил на крутом вираже, что не уступил сильному сопернику вдали от Родины и показал наш советский спортивный характер.

Это в твою честь звучал наш Гимн Страны Советов на далеких зарубежных стадионах. И в нашу честь, потому что ты — наш, советский парень, потому что таким тебя воспитал народ, партия — смелым, решительным, непобедимым. Ты, конечно, помнишь торжественные минуты, когда, стоя на высшей ступеньке спортивного пьедестала, ты слышишь могучую мелодию Гимна и тысячи людей на трибунах поднимаются со своих мест в знак уважения к твоей, Габдрахман, Родине.

Ты заслужил эту награду.

Габдрахман понимал, что награда обязывает, что ему нужно, необходимо оправдать это высокое доверие.

На московских улицах зеленели деревья, пестрели цветами сады и парки. Габдрахману казалось, что нынешнее лето какое-то особенное. Что и небо светлей, и солнце ярче, и люди счастливей. Потому что сам он был счастлив.

Но праздники проходят и наступают будни. А будни его ждали суровые. Кто бы мог подумать, что грядущая зима заставит его опуститься ступенькой ниже на пьедестале мирового чемпионата, что он уступит первое место своему другу-сопернику — чехословацкому гонщику Антонину Швабу. Но случилось именно так.

В Уфу он возвратился с серебряной медалью. «Только с серебряной», — огорченно думал Габдрахман. «Все-таки с серебряной», — утешали товарищи.

Но не только тот настоящий спортсмен, кто умеет выигрывать. Надо уметь и проигрывать, уметь извлекать уроки из поражений.

Кадыров знал, что «есть еще порох в пороховницах» и его спортивное самолюбие не позволит довольствоваться серебром.

Не много ли брал на себя экс-чемпион? Не слишком ли выиграла в нем уверенность в своих силах? Теперь мы можем смело сказать: не слишком.

У Кадырова есть одно большое достоинство: он умеет подметить сильные и слабые стороны своего соперника. Для них же он остается прежним — смелым, решительным спортсменом. Поэтому его тактические новинки всегда неожиданны, неуловимы. Создается впечатление, что Габдрахману обычно чуточку везет. Но эта «везучесть» есть не что иное, как проявление высшего мастерства, это умение использовать слабые стороны соперников и победить. Урок, преподнесенный Антонином Швабом, пошел Кадырову впрок. В 1971 году он вновь завоевывает звание чемпиона мира.

#### **«СИЛЬНЕЕ ТЕБЯ НЕТ НИКОГО»** \_\_\_\_\_

«Вчера наш земляк — заслуженный мастер спорта Габдрахман Кадыров в шведском городе Несше вновь завоевал звание чемпиона мира по ледовому спидвею. Это уже пятая золотая медаль уфимца на мировых первенствах. Во вчерашних гонках Г. Кадыров пять раз выходил на старт шведского стадиона, и ни в одном из них не уступил победу. Набрав 15 очков из 15 возможных, он стал чемпионом мира».

*«Вечерняя Уфа» от 6 марта 1972 года*

Все это было потом, в марте. А накануне многие поговаривали о том, что, дескать, «Кадырову в этом году «не светит», «не тот стал, сдал заметно».

И действительно, на чемпионате страны гонщик занял только пятое место. Такое заставит заколебаться даже самых стойких болельщиков. Однако занятое Кадыровым место вовсе не отражало истинного положения дел. А случилось вот что.

— В первый день финала чемпионата страны, — рас-

сказывал потом Габдрахман, — я выиграл первых три заезда и, признаться, чувствовал себя достаточно уверенно. Но вот четвертый заезд. Все шло нормально, я лидировал и вдруг... вылетело заднее колесо. Такое со мной случилось впервые. Надо сказать, что мне повезло, все обошлось благополучно, а вот мотоцикл основательно пострадал. Колесо восстановить вообще не удалось и пришлось его заменить. На следующий день все встало на свои места — я выиграл все заезды и показал лучшее время...

Как часто, к сожалению, мы, болельщики, бываем несправедливы по отношению к спортсменам. Вот проиграл человек. И пошло: «не тот», «сдает» и т. д. А почему проиграл? Что случилось? Нам не до этого.

Кадыров считал, что все пойдет нормально и исход первенства страны никак не повлияет на ход подготовки к чемпионату мира. Ему было труднее, чем другим. С чемпионом всегда выходят, чтобы дать бой, каждый борется с какой-то особой страстью.

Но где-то в душе закрались сомнения: «А может, и впрямь не тот стал Кадыров, сдает старина?». Нет, как он мог допустить такие мысли? Хотя, впрочем, что-то не так бодро, как прежде, его провожают на чемпионат мира. Странное чувство. Неужели даже те, кто знает его много лет, кто всегда верил в его «кадыровскую настырность», неужели и они заколебались?

Это всегда трудно, когда тебя не понимают, когда человека рассматривают только через секунды и метры. А что за ними? Знали бы, сколько в нем сейчас желания сразиться с сильнейшими, самыми сильнейшими. Он докажет, чего стоит Кадыров. Вы увидите, как побеждают ветераны (и кто только «притащил» в спорт это слово!).

Тренер Геннадий Петрович Фомин еще накануне отъезда нашей команды по спидвею в ФРГ, в Инцель, на полуфинал чемпионата мира сказал:

— Я не сомневаюсь в твоём мастерстве, но хочу предупредить — будь осторожен, не экспериментировать на дорожке во время соревнований. В спорте бывает всякое. Иногда даже очень большого преимущества, явного превосходства оказывается недостаточно, если появляется самоуверенность. Стоит притупить бдительность, и соперник тут же воспользуется...

«Какая самоуверенность? Какие эксперименты? — недоумевал Габдрахман. — Откуда все это?»

Кадыров неожиданно поймал себя на мысли, что он становится раздражительным. Напрасно, ведь Геннадий Иванович желает ему победы ничуть не меньше, чем сам Габдрахман. «А ведь он прав. Иногда случалось, что я уходил вперед и потом только «отбивал номер на дистанции», — думает Габдрахман.

«Самоуверенность... Значит, что-то есть, раз обращает внимание Фомин. Надо следить за собой».

...Инцель радушно встречал спортсменов. Сюда со всей страны съехались почитатели спидвея. Спортсмены были приятно удивлены, когда узнали, что все билеты на соревнования проданы, и готовились показать все лучшее, на что они способны.

Со страниц газет не сходили портреты Габдрахмана Кадырова, Антонина Шваба, Курта Вестлунда. Журналисты предсказывали в полуфинале упорную борьбу. Страсти вокруг чемпионата разгорались. Достаточно привести такой факт: на второй день полуфинала не смогли попасть на стадион около 10 тысяч болельщиков.

Организаторы отмечали: «Если за год международных конькобежные соревнования собирают 8—10 тысяч почитателей, то спидвей собирает 30—40 тысяч на один гонки». После соревнований бургомистр Инцеля обратился в спортивный совет Баварии за разрешением на строительство дополнительных трибун.

Как же проходили гонки?

Вот что об этом рассказал позже чемпион.

— Все складывалось для меня поначалу хорошо. Уверенно выиграв в трех заездах, в четвертом, где я встретился с Сергеем Демахиным и двумя англичанами, я решил удивить болельщиков. До сих пор не могу простить себе этого.

После трех кругов я опережал одного англичанина более чем на круг, у шедшего вторым Сергея Демахина выигрывал метров сто пятьдесят.

Думаю, пройду-ка вираж красиво. Победа все равно в кармане. И вхожу в поворот, не сбрасывая газа. В Инцеле прямая длинная, а вираж очень крутой. На мою беду, на дорожке оказалась выбоина, которую раньше я не заметил...

Стадион вскрикнул, когда мотоцикл Кадырова подпрыгнул, переднее колесо «заиграло», и через мгновение Габдрахман оказался за снежным бортиком у самой трибуны. Примчалась медицинская машина, к нему бжали спортсмены. А Кадыров сидел на снегу и качал головой. Он ругал себя на чем свет стоит. Но было поздно.

Вот оно — наказание за самоуверенность. Никогда ведь не позволял себе расслабиться. И надо же... Ведь прав был Геннадий Иванович.

Но, как говорят, беда в одиночку не ходит. Если сам гонщик после падения остался цел и невредим, то с мотоциклом пришлось повозиться. И не удивительно, что в последнем заезде машина забарахлила, и Габдрахман на финише проиграл Курту Вестлунду... 20 сантиметров и потерял еще очко. В итоге первый день — всего 11 очков, только третье место.

На следующий день Кадыров вышел на старт собранным, по-спортивному злым. Надо было догонять лидеров. Он выиграл все заезды, набрал 15 очков из 15. Однако выше третьего места так и не поднялся, отставая на одно очко от Юрия Дубинина и Курта Вестлунда.

Все-таки психологически Кадыров оказался хорошо

подготовленным к финалу. Он понял, что основных своих соперников сможет победить. Все оставшееся время Кадыров посвятил подготовке мотоцикла, зато потом беда с ним не знал.

И вот Несше. Финал. Здесь должно решиться все. На тренировках зарубежные асы присматриваются к Кадырову. А тот не скрывает своего намерения в пятый раз выиграть звание чемпиона. По свежему льду он показывает в тренировочном заезде лучшее время. Но неожиданно этот результат показывают еще три гонщика, в том числе два шведа.

Надо сказать, на этом чемпионате семь шведов представляли очень серьезную силу.

Дорожка в Несше несколько необычная — короткая, прямые мизерные. Кадыров правильно рассчитал, что все должен был решить старт. Этому-то он и уделит главное внимание на тренировке. И, как оказалось, был прав.

Накануне соревнований Габдрахман долго не мог уснуть. Он пытался отвлечься, думать о другом, однако из головы не выходили предстоящие гонки. Он понимал, что



Последние секунды перед стартом

на Родине ждут от наших ребят победы, что завтра в родной Уфе будут жадно ловить сообщения с чемпионата и будут ждать добрых вестей. Как можно подвести этих людей, как не оправдать их надежды. Он должен победить!

Габдрахман выиграл все заезды.

Самым красивым был заезд, в котором, кроме него, стартовали Антонин Шваб, Владимир Пазников и Владимир Цыбров. Габдрахман проиграл старт. И теперь нужно было наверстывать упущенное. Он смело бросил машину вперед, а на вираже, не сбавляя газа, по внешней стороне проскочил мимо соперников. Это был риск, но риск оправданный.

После заезда Антонин Шваб, хотя соревнования еще не закончились, поздравил Кадырова и сказал: «Сильнее тебя сейчас нет никого».

Да, Габдрахман Кадыров вновь стал чемпионом мира.

В истории мирового спорта отыщется немного примеров долголетнего пребывания на чемпионском троне. Габдрахману удался своеобразный «дубль». Во-первых, своей очередной победой он ввел спидвей в число видов спорта, где особенно разительна гегемония советских спортсменов, во-вторых, уже внутри самого спидвея он сумел догнать по количеству высших титулов выдающегося гонщика по гаревой дорожке Ове Фундина.

## ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА \_\_\_\_\_

Небо голубое и солнечное. Тихо в этот утренний час на аллеях Александровского парка. Серебрятся гранитные ступеньки у могилы Неизвестного солдата, струится и тает в прозрачном воздухе вечный огонь.

Так уж повелось у советских спортсменов — перед дальней дорогой на крупные соревнования они прихо-

дят на Красную площадь, к Мавзолею В. И. Ленина, могиле Неизвестного солдата.

Габдрахман опускается на колено и кладет букет алых гвоздик на гранитную плиту. «Мы будем сильными, мужественными и честными, как ты, Неизвестный солдат», — мысленно повторяет он.

Безмолвная клятва бойца, бойца ледяных дорожек перед дальней дорогой, перед большой спортивной битвой.

Он вернется с победой. Габдрахман сдержал свое слово — он сражался, как настоящий солдат...

И вот снова встреча с Москвой, с Красной площадью.

Здравствуй, святыня! Твои сыновья пришли к тебе, чтобы поделиться своей радостью, чтобы сказать спасибо тебе, Родина, за все, что ты сделала для них.

Габдрахман Кадыров и Борис Самородов. Ученик и тренер. Да, Борис Самородов теперь тренер сборной СССР. В газете «Вечерняя Уфа» на следующий день был опубликован снимок. Два замечательных спортсмена на Красной площади у стен седого Кремля.

Высоко над головой — рубиновая пятиконечная звезда. Отсюда начинается Отчизна. Они стоят в задумчивости. Может быть, ожили в памяти прославленных мотогонщиков далекие годы, когда пришлось впервые стартовать за рубежом, впервые почувствовать ту большую ответственность, которая возложена на них. Опыта было маловато, да и условия, в которых проходили гонки, совсем иные. На трибунах невообразимый шум, дудки, трещотки — ко всему этому нужно привыкать. Не всегда объективное судейство — и к этому тоже надо было привыкнуть. Но ребята держались молодцом. Теперь иное время, нынче наши советские гонщики, воспитанники ДОСААФ СССР, задают тон на международных дистанциях ледового спидвея. Не с пренебрежением, а с почтительностью смотрят зарубежные асы на наших спортсменов. Пришло признание и авторитет. Советская

столица мотоспорта — Уфа — ныне известна далеко за пределами страны. И досаафовский мото клуб уфимского строительного треста № 3 тоже известен. «Кузницей чемпионов» называют его. И по справедливости.

Здесь не построено дворцов для чемпионов. Обыкновенное, даже, наверное, слишком обыкновенное здание гаража, скромные небольшие боксы для мотоциклов и маленькие таблички на дверях «Г. Кадыров», «Б. Самородов», «Ф. Шайнуров». Что не фамилия — то спортивный герой, выдающийся мастер.

Но почему именно Уфа? Башкирия? Почему не Новосибирск или Свердловск, Ленинград или Киров? Сейчас на этот вопрос трудно ответить. Даже «отец» всех чемпионов, бывший управляющий строительным трестом № 3 Леонид Львович Балабан, не ответит. Не ответит, потому что с него, собственно, все и началось. А он сейчас, хоть и на пенсии, начинает свой рабочий день в мото клубе. Он не занимает никакой должности, и вам никто не скажет, кто же он здесь теперь.

Начальник клуба — заслуженный тренер РСФСР А. Ахмадеев. А Балабан? Он приходит утром в кабинет Ахмадеева, садится напротив и говорит: «Ну, что у нас на сегодня?».

И в тот день, когда я пришел в мото клуб, Леонид Львович, как всегда, ходил озабоченный: нужно было ехать за какими-то машинами, посмотреть молодого гонщика, который настойчиво просил принять его в клуб, организовать поздравительный адрес юбиляру — председателю обкома ДОСААФ дважды Герою Советского Союза Мусе Гайсиновичу Гарееву. Он все тот же — энергичный, вечно занятый и чрезвычайно полезный для клуба человек. Да, все началось с Балабана. Вот почему Уфа, а не Новосибирск или Свердловск. Потому что жил в Уфе человек...

Человек беспредельно влюбленный в мотоспорт, человек, отдававший мотоспорту все свое свободное вре-

мя, которого у начальника треста было не так-то много, человек, да простят меня за откровенность, иногда исползовавший — в самом хорошем смысле этого слова — свое служебное положение на благо спорта.

...Бьют кремлевские куранты. Четко печатая шаг, идет смена караула к Мавзолею В. И. Ленина.

Сколько раз бывал Габдрахман на этой площади, все здесь знакомо, близко, и все-таки каждый раз охватывает волнение.

«Это моя Родина! Сколько раз еще я приду на это место, на Красную площадь, к серебристым стройным елям у кремлевской стены, к Мавзолею Ленина, — думает Габдрахман. — Приду перед испытаниями и после них, увенчанный и неувенчанный, с радостью или с горечью на душе.

Приду, потому что не могу не прийти».

Тихо на Красной площади. Только слышно, как раздается мелодичный звон курантов.

## **ЧЕМПИОН ПРИНИМАЕТ НОВИЧКА** \_\_\_\_\_

Когда у спортсмена начинается сезон и когда кончается, никто не знает. «Легкоатлеты открыли сезон», «Футболисты приступили к тренировкам» — не верьте этим газетным фразам. Это неверно. Так же как неверно, что у спортсменов бывают каникулы. В жизни нет пауз. Мы всегда поглощены заботами о будущем — на работе, в отпуске, в театре, на рыбалке. У времени нет остановок. Нет их и у спортсменов.

Отдых — это иллюзия. Это для других, но не для тех, кому через месяц, через два, пусть даже через полгода снова выходить на старт.

Он будет все время думать о том, что его ждет, как ему выйти на старт в полной готовности.

Никто не упрекнет Габдрахмана Кадырова, если он

летом позволит себе расслабиться, оставить на время свои мотоциклы. Забыть обо всем, о том, что он гонщик, что его ждут новые старты зимой. Но он не может позволить себе это. Он знает, что чемпионские титулы не даются навечно, что где-то растет парень, который в один прекрасный день выскочит на вираж первым и не уступит ему первенства. Прекрасное вчера не гарантирует столь же радостное завтра.

Вот почему каждое утро зимой и летом, в мороз и в зной, в ясную и дождливую погоду во двор уфимского мото клуба въезжает темно-красная «Волга» и из машины выходит худощавый, легко одетый молодой человек. Это Габдрахман. Он идет в гараж, открывает свой бокс и надевает рабочую спецовку. Начинается трудовой день чемпиона мира.

Это его рабочее место — тренера и спортсмена.

Он мог бы с серьезной миной (как-никак, а авторитет) ходить и давать указания, читать молодым наставления (и я уверен, от этого тоже была бы большая польза). Но он надевает грубые сапоги, комбинезон и присаживается к мотоциклам. К одному, другому, третьему...

А когда подходит время и его воспитанники выкатывают на дорожку машины, он выходит на трек. И будет торчать здесь до тех пор, пока все ребята не откатают запланированные заезды. А потом соберет их и скажет: «А теперь давайте посмотрим, как гоняется Кадыров», — и улыбнется.

Он может проехать хуже или лучше, рвануть с места так, что дух захватит, и плавно, по-азбучному пройдет вираж, а то вдруг соблазнит Бориса Самородова и Фарита Шайнурова, и устроят они сумасшедшую гонку. Он не огорчится, если легкий, как пушинка, Фарит обойдет его на глазах у его же ребят, дружески похлопает по плечу «Саныча» (так здесь иногда называют Самородова), если тот «покажет ему хвост», но он никогда, даже на тренировке, не поедет спустя рукава: дескать,

потешьтесь, обгоните чемпиона хоть здесь. Он будет сердиться, если кто-нибудь из его подопечных не выполнит его указание, если узнает, что машина была плохо подготовлена к занятиям. Он строг и требователен в деле, но добр и приятен в жизни.

Мне довелось быть свидетелем, когда Габдрахман принимал новичка. Все утро шестнадцатилетний Фарит (фамилию его я так и не запомнил) топтался у кабинета начальника мотоклуба, да все не решался, видно, заговорить о своей просьбе. Наконец осмелился.

С пареньком разговаривал Леонид Львович Балабан, когда пришел Кадыров.

— Гена, надо посмотреть хлопца, — обратился к нему Балабан.

— Сейчас и посмотрим, — сразу же согласился Габдрахман.

— Пойдем в гараж.

Видимо, у мотогонщиков так уж принято — смотреть новичка вышли все.

— Только не слишком ретиво, — предупредил Кадыров юношу, когда тот выезжал на дорожку.

— Поосторожней.

Но разве что может удержать молодого парня, если хочется показать все лучшее, на что ты способен, если отправлял тебя в путь сам чемпион мира!?

С оглушительным ревом рванулась машина, и полетел в неизвестное будущее новичок.

— Ишь как лихо! — сказал кто-то.

Мне понравилось, как прошел первый круг Фарит. Видно было, что не впервой ему укрощать «стального коня» (он, кстати, не скрывал, что имеет разряд). И все-таки на втором вираже «новобранец» завалился. Упал мягко, как-то необычно нежно. Мотор взревел и заглох. Стало тихо.

— А знаешь, толк из него получится, — сказал вслух Кадыров.

И непонятно было, к кому он обращается. Видно, вспомнил, как много лет назад сам вот таким же парнишкой пришел сюда и, впервые промчавшись по гаревому овалу, ждал решения своей судьбы.

— Приходи, — сказали тогда ему.

— Приходи завтра, — сказал теперь Кадыров молодому гонщику, когда тот подъехал.

У парня были счастливые глаза.

\* \* \*

На высоком берегу реки Белой в Уфе горделиво возвышается памятник сыну башкирского народа Салавату Юлаеву. Он замер на скачущем коне, и перед ним далеко раскинулись степи и леса. Говорят, отсюда видна вся Башкирия. И всадник словно парит над ее просторами, над ее обновленной счастливой землей. Как бы вы ни прибывали в Уфу — самолетом, поездом или по реке, первый поклон вам шлет гордый всадник на легком коне. Поклон от трудолюбивого, мужественного, смелого народа.

Габдрахман любит приходить сюда. Здесь, на крутом утесе, где, кажется, рукой подать до облаков, стоит глубокая царственная тишина. И только ветер иногда ударит в упругую грудь коня, но тут же отступит, как отступает он, когда на ледовом кольце стадиона мчится отважный гонщик Габдрахман Кадыров.

## **ШЕСТИКРАТНЫЙ!**

---

(Поправка, которая не огорчает, а радует)

Когда очерк был написан и подготовлен к печати, с ледовых дорожек стадиона западногерманского города Инцеля пришла радостная весть: пятикратный чемпион мира Габдрахман Кадыров в шестой раз завоевал звание

чемпиона мира по мотогонкам по льду. Мы с удовольствием вносим эту поправку и, откровенно говоря, не против, если она будет не последней.

Прошедший чемпионат был знаменателен еще и тем, что серебряную медаль на нем выиграл 42-летний спортсмен, заслуженный мастер спорта Борис Александрович Самородов. Тот самый Самородов, с которым соперничал Кадыров в начале своего спортивного пути, тот самый Самородов, который затем передавал свой опыт чемпиону, готовил его к соревнованиям. Учитель и ученик. Они оказались достойны друг друга. И на приеме у председателя ЦК ДОСААФ СССР, маршала авиации, трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина Габдрахман Кадыров первым среди героев чемпионата назвал имя Бориса Самородова.

Сыновья страны, воспитанники ДОСААФ, они снова с честью пронесли за рубежом знамя Родины.

## СОДЕРЖАНИЕ

---

	Стр.
«Играющий» тренер . . . . .	3
«Если бы видел отец» . . . . .	8
Кросс и ледовое кольцо . . . . .	14
Немного истории . . . . .	18
Пути, дороги... . . . .	22
Свой в компании сильных . . . . .	34
«...Вливается в труд моей республики!» . . . . .	39
«Сильнее тебя нет никого» . . . . .	43
Гори, гори, моя звезда . . . . .	48
Чемпион принимает новичка . . . . .	51
Шестикратный! . . . . .	54

**Леонид Петрович Никитин**

### КРУТЫЕ ВИРАЖИ

Редактор **А. В. Островский**

Художественный редактор **Г. Л. Ушаков**

Технический редактор **В. Н. Кошелева**

Корректор **В. Н. Лapidус**

---

Г-31060 Сдано в набор 11/V-1973 г.

Подписано к печ. 24/VII-1973 г. Изд. № 3/6557 Формат 70×108<sup>1/32</sup>

Бумага типографская № 2 Тираж 48 000 экз.

Цена 8 коп. Объем физ. п. л. 1,75 Усл. п. л. 2,45 Уч.-изд. л. 2,39

Изд-во ДОСААФ, 107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26

---

Типография издательства ДОСААФ. Зак. 334

Цена 8 коп.

